

Рыцарь Артур Конан Дойл

1849 году младший сын известного лондонского художника, Чарльз Алтамонт Дойл, приехал в Эдинбург, где его ожидала скромная должность и двести двадцать фунтов жалованья в год. Чарльз Алтамонт был архитектором, но втайне лелеял мечту стать художником-акварелистом, не менее известным, чем брат Ричард — или Дики — уже ведущий иллюстратор знаменитого юмористического журнала «Панч».

Иногда Чарльза одолевала тоска по дому. Он скучал по отцу, сестрам, а письма Дики вызывали еще и острую ностальгию по тому избранному кругу, где блистали писатели и художники, и уже прославленные, и недавно ставшие знаменитыми.

«...Издатели Смит и Элдер пригласили меня на обед, познакомиться с *автором* «Джейн Эйр», маленькой, хрупкой, но умной женщиной лет тридцати, по имени мисс Бронте... Теккерей тоже был в числе приглашенных», — писал Чарльзу Дики в одном из писем, а в другом упоминал о веселом ужине, на котором председательствовал сам Диккенс, а потом вся компания, в том числе художник Физ — псевдоним Хэблота Брауна, иллюстрировавшего романы Диккенса, — отправилась в таверну «Радуга», где угощалась «жженкой и анчоусами».

Упоминание о Физе не случайно. Самому Ричарду Дойлу тоже выпала немалая честь — иллюстрировать «Рождественские повести» Неподражаемого.

Впрочем, ностальгия по дому рассеялась, как утренний туман, когда в 1855 году Чарльз Алтамонт Дойл женился на мисс Мэри Фоли, происходившей из старинной семьи. Знатная родословная, к сожалению, никак не способствовала благосостоянию Дойлов. Двухсот двадцати фунтов решительно не хватало для потребностей все растущего семейства: за пер-

вые три года брака у Дойлов родились три девочки, а 22 мая 1859 года появился на свет и долгожданный сын, названный Артуром в честь легендарного короля бриттов.

Когда Мэри Дойл не скребла полы и не варила овсянку, одновременно читая французский литературно-критический журнал «Ревю де Де Монд» — Мэри училась во Франции, — она неустанно внушала обожаемому сыну (он тоже всегда и всю жизнь обожал мать), что с ее стороны его родословная восходит чуть ли не к самому королю Эдуарду III, победителю в битве при Креси¹. «Бесстрашие перед сильным. Смирение перед слабым» — вот твой девиз», — с самого раннего детства внушала мать сыну.

Второе имя, Конан, будущий писатель получил в честь двоюродного деда, Майкла Конана, в прошлом известного критика и редактора «Журнала Искусств». Конаны тоже — утверждала Мэри Дойл — потомки родовитой семьи, прославившей Бретань, бывшую в XII—XIII веках английским вассальным герцогством. Когда возник вопрос о будущей профессии Артура, отец-художник, к удивлению семейства, высказался за деловую карьеру и «математическое образование», но Мэм — так Артур называл мать — поступила, как советовал Майкл Конан, а он считал, что мальчика надо отдать в пансион к иезуитам (Дойлы и их родственники всегда были «добрыми католиками») — по той причине, что они обладают «несравненным искусством развивать мыслительные способности». И Артура Конана отдали в школу «Ходдер Хауз», подготовительное учебное заведение при католическом колледже Стонхерст.

Здесь Артур прославился спортивными достижениями. Высокий и сильный, он очень гордился своими успехами на крикетной площадке: «Из 276 мячей я собственноручно забил 51», — писал он матери. Артур довольно быстро привык к жесткой дисциплине и постоянному дотошному контролю. За академические успехи здесь награждали вкусными завтраками или ужинами, за неудовлетворительные отметки били резиновой тростью по рукам, отчего они распухали вдвое и чернели. Доставалось ли Артуру? Вполне возможно, однако в письмах к матери он об этом умалчивал.

В зимние вечера ученики катались на коньках при свете

¹ Здесь 26 августа 1346 года во время Столетней войны армия английского короля Эдуарда III разгромила войско французского короля Филиппа VI. (Здесь и далее примеч. автора.)

синих и красных китайских фонариков, а оркестр наигрывал «Правь, Британия». Рождественские каникулы он обычно проводил в Стонхерсте. Однажды, по случаю праздника, Артур и его три товарища съели: «двух индеек, двух цыплят, окорок и еще два ломтя ветчины, две колбасы, семь коробок сардин, одну коробку омаров, блюдо пирожных и семь горшочков джема. А из напитков у нас были пять бутылок шерри, пять — портвейна, одна — белого вина и две — малинового сиропа. У нас были также две банки солений» — раблезаинское пиршество, достойное Гаргантюа и Пантагрюэля.

На Рождество 1874 года тетушка Аннетта пригласила Артура на три недели в Лондон. То были незабываемые дни. Два раза дядя Джеймс водил его в театр. Сначала на «Гамлета» со знаменитым Генри Ирвингом в главной роли. Потом в театр «Хэймаркет», где давали комедию «Наш американский кузен». Затем он посетил Вестминстерское аббатство, собор Св. Павла, Тауэр. Дядя Генри повел его в огромный выставочный «Кристэл Пэлэс» («Хрустальный дворец»), а дядя Дики — в цирк. Да, то было прекрасное время, однако Артура иногда мучила совесть: он в Лондоне развлекается и живет в богатом доме, а Мэм, у которой недавно родился второй сын, его младший брат Иннес, вынуждена считать полупенсы и обходиться иногда без самого насущного.

Вернувшись в Стонхерст, Артур всерьез принялся за учебу: ведь если он сдаст выпускные экзамены, то откроется прямой путь в Лондонский университет. Экзамены он сдал, но в университет не попал, потому что отцы-иезуиты решили его наградить за успехи иначе, послав на год в Австрию, в город Фельдкирх, — усовершенствоваться в немецком языке и «углубить познания в философии». Год пролетел незаметно. Немецкий он освоил почти в совершенстве. Здесь, в Фельдкирхе, Артур прочитал новеллу Эдгара По «Золотой жук», которая произвела на него чрезвычайное впечатление. Он буквально бредил детективными подвигами Уильяма Леррана, замороженного натуралиста-детектива.

На семейном совете тем временем было решено, что поступать Артур будет в Эдинбургский университет на факультет медицины. Артур поступил, но сомневался, что правильно выбрал профессию, ведь он уже писал стихи, которые послал на суд дяде Конану, и тот одобрил их в весьма лестных выражениях. Будучи студентом, Дойл дважды отправлялся судовым врачом в дальние плавания. Один раз на китобой-

ном судне в Арктику. Вернувшись через семь месяцев, он сдал очередные экзамены, а вскоре снова плыл корабельным «хирургом», но уже в Африку. Он, между прочим, был влюблен, но Мэм, почувствовав опасность в лице некой мисс Уэлден, всячески понуждала сына не отказываться от африканского «турне» — он накопит достаточно денег, чтобы купить себе медицинскую практику. Плавание было опасным и трудным. Артур очень страдал от жары, переболел тропической лихорадкой, едва не попал «в зубы акуле», а на обратном пути в Англию на борту «Маюмбы» чуть не случился пожар. Он снова вернулся в университет и опять сдал экзамены, на этот раз выпускные. Между тем необходимость зарабатывать на жизнь и себе и семье неуклонно возрастала. Отец очень ослаб. По крайней мере два дня в неделю он проводил в постели, и на службе это не могло не вызывать недовольства. Дойл стал работать ассистентом врача в Бирмингеме, но это давало всего лишь два фунта в месяц. Однажды немецкий знакомый обратился к нему за помощью: не может ли мистер Конан Дойл одолжить ему немного денег? У самого Дойла был только фунт и 6 пенсов. Он вынул из кармана часы с цепочкой и отдал их герру Глайвицу: пусть тот заложит часы в ломбард. Иногда случались и удачи. Решив, что можно использовать в качестве источника дохода и литературный труд, Дойл на основе уже обретенных житейских впечатлений написал «африканский» рассказ «Тайна долины Сассасса» и предложил его журналу «Чэмберс». И — о чудо! В октябре 1879 года журнал напечатал его и заплатил автору три гинеи...

Конечно, Конан Дойл мог бы просить о помощи богатых родственников: дядю Джеймса или дядю Дики, но он должен был заверить их в своей непоколебимой приверженности к католицизму, а он все больше считал себя агностиком и не желал поступаться убеждениями. И Артур, и дяди были одной породы и твердости характера. Дядя Дики порвал с журналом «Панч», где получал отличное жалованье — восемьсот фунтов в год, — когда журнал позволил себе непочтительное замечание о папе.

Практику Дойл все-таки приобрел. Не в Эдинбурге и не в Лондоне, а в Портсмуте, вернее, в его пригороде Саутси. Здесь он арендовал довольно обветшалый дом, постарался получше обставить две комнаты — их могли видеть посетители, — остальные стояли без мебели, повесил медную табличку на дверь «Доктор Артур Конан Дойл» и стал ожидать больных. Вскоре

с ним поселился младший брат Иннес, который и встречал редких пациентов. Чем же молодой врач мог занять себя в долгие свободные часы? Да, сочинительством. И он пишет рассказ «Мнение Хабакука Джефсона», который будет напечатан известным журналом «Корнхилл», и автор получит чек на двадцать пять гиней.

Однако сначала Дойл с трудом сводил концы с концами. Был день, когда Иннес почистил «последние шесть картофелин на ланч», как он вспоминал впоследствии. Впрочем, положение вряд ли можно было назвать бедственным. Во-первых, друг Дойла, Ллойд, прислал им запас картофеля на всю зиму. Сосед-бакалейщик в обмен на медицинскую помощь снабжал их маслом и чаем. Вот только не было служанки, чтобы наводить порядок и чистоту в доме: тогда доктор Дойл сдал пустовавшие комнаты пожилой миссис Смит, и теперь Иннес смог посещать школу, а братьев регулярно ждал на столе заботливо приготовленный обед. Мэм и тетушка Аннетта помогли обставить дом: появились ковер и гравюры на стенах, а на письменном столе утвердился мраморный бюст дедушки-художника. Особенно молодой врач гордился своей приемной, где висела двадцать одна картина и красовалось одиннадцать ваз. Постепенно возрастала его популярность, но не столько врачебная, сколько спортивная, точнее, его отличная игра в футбол и крикет сделали имя и «доктору Конану Дойлу». Он вступил в «Литературно-научное общество».

А затем он встретил мисс Луизу Хокинс. Его пригласили на консультацию к заболевшему менингитом подростку. По обе стороны кровати сидели безутешные мать и сестра. Хозяин дома, опасаясь инфекции, грозился выбросить все семейство на улицу, и несчастные не знали, где преклонить голову: в гостиницах им тоже отказывали в помещении. Тогда Артур Конан Дойл перевез больного к себе в дом и стал ухаживать за ним сам. Увы, ничто не помогло, мальчик умер, но его смерть соединила Артура и Луизу. Ее уязвимость вызывала рыцарственное желание сильного и доброго молодого человека помочь и защитить. Да и внешне Луиза ему очень нравилась. Ее нельзя было назвать красавицей, но светлые, широко расставленные глаза, чудесные волосы, хрупкость, кротость — все это соответствовало идеалу, с давних пор занимавшему его воображение.

В 1885 году, когда они поженились, он уже работал над своим первым детективным произведением «Этюд в багро-

вых тонах», где впервые на свет появляется Шерлок Холмс, «списанный» Дойлом с эдинбургского профессора медицины Джозефа Белла. «Этюд» не сразу нашел дорогу к читателю. Как ни удивительно сознавать это сегодня, его отвергли несколько издателей, и он был напечатан только в декабре 1887 года в альманахе «Рождественский ежегодник Битона». Эта публикация подстегнула литературные амбиции Дойла, и он приступает к работе над историческим романом «Миках Кларк» (1889), а потом пишет авантюрно-романтическое произведение «Фирма Гердлстона» (1890). Тут были и приключения, и всепоглощающая любовь, и кошмарный преступный замысел злодея убить свою подопечную, молодую богатую наследницу. Подлый опекун сначала пытается женить на девушке своего сына-негодяя, а когда это не удается, бедняжку Кейт заточают в глухой деревне, и только любовь и смелость ее верного рыцаря Тома Димсдейла, студента-медика Эдинбургского университета (образ во многом автобиографический), помогают вызволить узницу — так добродетель торжествует, а порок наказывается.

Главным недостатком романа — скажет впоследствии Артур Конан Дойл — было то, что он практически ничем не отличался от множества любовных сочинений конца XIX века. Единственное отличие — главный герой был студентом-медиком, но вот это и стало камнем преткновения на пути романа к издателю.

Вообще-то врач уже бывал героем английского романа, например, доктор Эдвард Хоуп у Гарриэт Мартино («Дирбрук», 1832) и врач Терциус Лидгейт в «Миддлмарче» (1871—1872) знаменитой Джордж Элиот. Но и «Дирбрук», и «Миддлмарч» были романами реалистическими, а Конан Дойл житейски достоверный образ студента медицины ввел в стихию условно-романтическую, что производило странное и даже комическое впечатление.

По иронии судьбы, литературный успех, как известно, пришел к нему, мечтавшему о славе второго Вальтера Скотта, с опубликованием второй детективной «холмсовской» повести «Знак четырех» (1890), сначала завоевавшей Америку, а потом уже триумфально шагнувшей и на английскую землю.

Тем не менее предания о былой рыцарской славе предков, которые Мэм так старательно внедряла в воображение любимого сына в его детские и юношеские годы, не давали ему и сейчас покоя, и он снова обращается к рыцарской теме, пишет роман «Белый отряд» (1891), хотя и начинает пони-

мать, что, к сожалению, современному читателю никакие рыцари прошлого не заменят частного «сыщика-консультанта» Холмса и его верного спутника, доктора Уотсона. Поэтому в 1892 году выходит отдельной книгой первые двенадцать рассказов об их детективных подвигах «Приключения Шерлока Холмса» (1892), а еще через два года «Воспоминания Шерлока Холмса» (1894). Но теперь, когда Конан Дойл уже не беден, он твердо решает, что надо заняться «настоящим» делом, а джентльмен-сыщик пусть «исчезнет навсегда», — и почти на десять лет Дойл забывает о Холмсе. Его воображение властно приковывает наполеоновская эпоха — конец XVIII — начало XIX века. Сначала появилась повесть Дойла «Великая тень» (1892): имелась в виду «тьень» Наполеона Бонапарта, которую, по выражению Дойла, император «бросил на Европу», тень, «омрачившую жизнь всех народов на двадцать пять лет».

...Джек Колдер, молодой шотландец, влюблен в свою кухню Эди, но Эди увлечена таинственным незнакомцем, Бонавентурой де Лаппом, который однажды неожиданно появляется в их скромном селении. Колдер и его друг Джим — тоже неравнодушный к чарам Эди — отправляются в армию, чтобы сражаться с Наполеоном, бежавшим с острова Эльба. Пик повествования — битва при Ватерлоо. Бонавентюра де Лапп, который женился на Эди, оказывается адъютантом Наполеона де Лиссаком, и в бою Джим и де Лиссак погибают. Однако француз, умирая, успеваает послать жене «последнее прощанье». Джек передает его, но разочаровывается в той Эди, которой она теперь стала, и покидает ее навсегда. Эди снова выходит замуж, но умирает в родах, а Джек, вернувшись в Шотландию, женится, становится отцом семерых детей и очень счастлив. Умудренный жизнью, он изрекает, верша суд над наполеоновской эпохой: «Великая тень наконец оставила Европу, небо прояснилось, и пусть никогда больше подобная тень не омрачит ее равнин и не затмит жизни, которые могли быть такими счастливыми».

Однако отношение Дойла к Наполеону далеко не однозначно. Об этом говорят рассказы о французе-кавалеристе, бригадире Жераре. После Холмса и Уотсона (а также — профессора Чэлленджера, героя научно-фантастических рассказов Дойла, первый из которых, «Затерянный мир», будет опубликован в 1912 году) бригадир Жерар стал самым популярным у читателей героем Дойла. Об этом храбрце, умопомрачительно удачливом и галантном наполеоновском личном курьере, Дойл написал шестнадцать рассказов. Первые восемь были

опубликованы в 1894—1895 годах в его любимом журнале «Стрэнд» (где печаталась и вся шерлокиана). Эти восемь вошли в сборник «Подвиги бригадира Жерара» (1896). Вторые восемь, опубликовавшиеся в «Стрэнде» в 1900—1903 годы, составили второй сборник «Приключения Жерара» (1903). Почти все это время, то есть с 1894 по 1902 год, Холмс был «мертв», и Дойл не собирался его воскрешать, а то, что в том же «Стрэнде» с 1901 по 1902 год публиковалась «Собака Баскервелей», в расчет им не принималось, так как это приключение Холмса предшествовало по времени «роковой» его схватке с профессором Мориарти.

На первый взгляд бригадир Жерар мало напоминает прежних героев Дойла. Жерар невероятно хвастлив, хотя для этого и есть основания. Он действительно великолепно владеет шпагой, он лучший наездник во всей наполеоновской армии, он потрясающий любовник, перед которым не может устоять ни одна женщина, но он и очень чувствителен к чарам любой красотки. Однако самое важное: непомерная хвастливость затмевается неколебимой верностью Жерара «его императору» и столь же твердой и безусловной верой в рыцарскую честь и справедливость.

Может показаться странным, что истый патриот, каким был Конан Дойл, выбрал себе в качестве героя не англичанина, но бойца вражеской армии, который сражается против англичан при Ватерлоо. Возможно, такой выбор только подчеркивал романтический «наполеоновский» ореол Жерара, но главное — в этом французе Дойл видел свое собственное представление о воинской славе, о совершенно беззаветной, пусть безрассудной, храбрости, идеал того воинского пыла, который заставляет стремиться к победе — и только победе. Английские же солдаты, по мнению одного из биографов Дойла, Д.-Р. Кокса, казались писателю более «приземленными и деловитыми». Головы англичан, сокрушается Дойл, не кружат фантастические видения славы, они просто заняты «делом войны», словно ремесленники, и себя, и других они воспринимают как «пушечное мясо» — отчего Жерар и называет своих противников «английской говядиной». Удивительно и то, что легендарная храбрость короля Артура и его рыцарей, перед которыми Дойл преклонялся с детства, теперь тоже присущи именно французу. Доблесть короля Артура (а до него Цезаря и Александра Македонского) в начале XIX века, по мнению Дойла, была воплощена не в английском герцоге

Веллингтоне, а в гениальном «одиночке» Бонапарте, покрывшем почти всю Европу...

Жерар, как личный посыльный императора, много странствует по Европе и подвиги свои совершает в Англии, Германии, Италии, России. Уже в преклонном возрасте, обычно за стаканом винца, об этих приключениях и повествует Этьен Жерар молодежи. Все его приключения охватывают промежуток времени с 1807 по 1815 год. За эти годы он проходит путь от лейтенанта до полковника. Даже промахи Жерара оборачиваются, как правило, победой. Так, например, в рассказе «Как бригадир убил братьев из Аяччо» Наполеон просит его быть своим телохранителем. Но, увы, Жерару не удается спасти его от удара кинжалом прямо в сердце. В ярости и отчаянье Жерар уничтожает убийц и — о чудо — узнает, что от их рук погиб не настоящий император, а подставное лицо.

Бывает, что и Жерар попадает «впросак», то есть в плен (рассказ «Как бригадир удерживал короля»). Жерар, как условлено, выигрывает свою свободу в карты, но герцог Веллингтон отказывается соблюсти это условие игры под тем предлогом, что именно английский король на самом деле держит «в руках» Жерара. Оказавшись «в плену у короля», Жерар совершает побег, но его ловят, а потом обменивают на английского полковника. А в рассказе «Как бригадира искушал дьявол» особенно подчеркнута необыкновенная верность Жерара Наполеону. Бригадиру предлагают принять участие в заговоре против императора, ведь все равно его битва за власть проиграна, однако бригадир до конца хранит верность «сиру» и великую тайну, о которой известно лишь Наполеону и его преданному слуге.

В «Приключениях Жерара» (1903) читатель в полной мере получает возможность восхититься замечательной галантностью француза («Как бригадир потерял свое ухо»). И уже старый Этьен Жерар, вспоминая о прошлом, назидает окружающим: «Молодость прошла, страсти остыли, но благородная душа не подвластна измене».

Жерару даже удается спасти Наполеона от пленения под Ватерлоо, а когда свершается «приговор судьбы», бригадир утверждает: «Будь и другие верны ему, как я, история мира могла бы пойти другим путем». А в «Последнем приключении бригадира» Жерар делает попытку спасти императора с острова Св. Елены, но, увы, он прибывает на остров, когда император уже лежит на смертном одре и вокруг горят погребаль-

ные свечи. И верный слуга с горестью в сердце отдает мертвому императору последний поклон.

Знаменательны прощальные слова старого бригадира. Рассказывая о героическом прошлом, он надеется, что «долгие годы спустя, когда Этьена Жерара забудут, чье-то сердце воспламенится, чей-то дух воспрянет и окрепнет, когда донесется до него слабое эхо его слов».

В том же 1896 году наряду с «Подвигами бригадира Жерара» выходит в свет роман Дойла «Родни Стоун», в котором довольно причудливо сочетаются всегдашняя приверженность писателя Дойла к «жизни в спорте» и утвердившийся с шерлокианой интерес к детективному жанру (который он порицает, против которого негодует и которому он так и не сумеет изменить, как скоро покажет будущее). Здесь также повествует о своей молодости уже пожилой рассказчик, но на этот раз действие совершается в Англии времен Регентства, то есть начала XIX века. Дойл явно осуждает светских любителей бокса, с их «маленькими изящными шляпами, замечательными жилетами и такими узкими сапогами, в которые можно уложить только один шейный платок». Эти люди, обожающие шелк и кружева, чей идол — знаменитый «красавчик Брюмел»¹, питают особое пристрастие к самому кровавому и жестокому виду спорта, боксу «без перчаток», когда матч длится до сорока раундов и его участники уже не могут стоять на ногах. Но эти денди, замечает Дойл, «живут странной жизнью, эти люди и странно умирают». В них нет ни рыцарственности, ни чувства чести, ни справедливости.

Пока Артура Конана Дойла волновали другие герои и другие приключения, а также начавшаяся Англо-бурская война, «демон с Бейкер-стрит не переставал ему докучать». Читатели благосклонно принимали подвиги бригадира Жерара и радовались разрешению тайны убийства в «Родни Стоуне». Некоторые с интересом прочли еще одну его наполеоновскую повесть, «Дядя Бернак» (1897), но они буквально тосковали по любимым героям. Неужели Холмс действительно погиб на дне горной пропасти вместе со злодеем Морриарти и добрый («но, не правда ли, не слишком догадливый») доктор тоже канет в вечность? В 1899 году Дойл получил телеграмму от американского актера Уильяма Джиллета, где тот просил позволения написать о Холмсе пьесу — на основе нескольких

¹ Известный щеголь и законодатель мужской моды.

дойловских рассказов, — но пьесу со «счастливым концом», в которой бы Холмс женился. Пьеса, как известно, имела большой успех. Дойл числился в соавторах, что имело очень весомые финансовые результаты. Большой известностью пользовалось и его историко-документальное произведение «Великая бурская война» (1900). Но вскоре Конан Дойл почувствовал, что настал момент вернуть Холмса в реальный мир литературы. Тем более что появился дополнительный повод.

В 1901 году журналист Флетчер Робинсон, когда Дойл гостил у него в Девоншире, рассказал ему местную легенду о семье Кэбелл. В XVII веке сэр Ричард Кэбелл, известный жестокостью и необузданностью нрава, приревновав жену, стал угрожать ей всевозможными карами. Вырвавшись из рук разъяренного мужа, леди Кэбелл бросилась бежать через близлежащее болото. Сэр Ричард настиг жену и убил ее охотничьим ножом. Вот тут и появилась собака, большая, добрая и очень преданная. Она бежала вслед за сэром Ричардом и, когда увидела, что он убил ее хозяйку, вцепилась ему в горло. Умиравшему Кэбеллу удалось смертельно ранить верного пса, и наутро окрестные жители обнаружили на болоте три мертвых тела.

Во время рассказа Дойл и Робинсон ехали в коляске, которой правил кучер Гарри Баскервил. Дойл, на которого легенда произвела большое впечатление, тут же попросил у Баскервила разрешения использовать его фамилию, если он захочет описать историю, и получил любезное согласие. В том же 1901 году в журнале «Стрэнд» Дойл начинает печатать повесть «Собака Баскервилей», которая отдельным изданием выйдет в 1902 году с благодарностью Флетчеру Робинсону. Дойл воплотил его сюжет в повесть, но, вместо того, чтобы создавать совершенно новых героев, которые должны были разоблачить страшную тайну гибели сэра Чарльза Баскервила, Дойл, что было совершенно естественно и своевременно, решил вернуть из небытия свою прославленную пару — сыщика и его помощника, Холмса и Уотсона. Конечно, он мог бы изобразить в повести других ведущих персонажей, какого-нибудь нового Жерара или Родни Стоуна, и, может быть, читатель принял бы этот гипотетический вариант «Собаки Баскервилей» с неменьшим восторгом, однако это очень сомнительно.

Повесть до некоторой степени являлась пробным камнем. После восьми лет разлуки с читателем «погибший» Холмс не мог безо всяких объяснений снова возродиться, как феникс из пепла, именно поэтому Дойл и отнес действие повести по

времени до рокового поединка Холмса, но «Собака Баскервильей» сразу приобрела такую огромную популярность, что Конан Дойл внял многочисленным просьбам и, «воскресив» Холмса, вернул его читателям. В 1903 году «Стрэнд» начинает печатать новую серию рассказов, и в 1905 году выходит сборник «Возвращение Шерлока Холмса». Больше Дойл со своим бессмертным героем не разлучался. Он понимал, как велика истинно человеческая потребность — восхищаться умением исключительной личности разрешать все проблемы, преодолевать все трудности и одерживать обязательную победу над стихией зла. Правда, Дойл нередко брюзжал и сердился, что Холмс заслонил собой всех его других, рыцарственных, героев. Но Дойл был не прав. Холмс тоже рыцарь, защитник и воплощенная надежда на восстановление справедливости. В Средние века так, наверное, читали рыцарские романы, герой которых помогал, награждал, наказывал, защищал, вызволял, спасал, соединял, — и Шерлока Холмса Дойл наделил тем же могуществом. Для конца XIX — начала XX века Холмс стал новым воплощением Дон Кихота, которому, однако, в отличие от прототипа, блистательно удается реализовать свою рыцарственную спасительную роль. Холмс был современным читательских масс. Если герои «Белого отряда» совершали свои подвиги в прошлом, то Холмс вершил их в настоящем. Вот почему Дойл, упрямо пытавшийся возродить славу и привлекательность исторического рыцарского романа на рубеже XIX—XX веков, проиграл свою битву с «ветряными мельницами» романтики прошлого, но, очень мудро «назначив» на вакантное место Дон Кихота героя одного из самых любимых современных литературных жанров — детективного, — одержал победу. То, что не удалось Дойлу соединить в Томе Димсдейле — необычайность, исключительность и трезвомыслящую обыкновенность, — он очень удачно воплотил в двух разных героях. Причем оригинальность Холмса, героя романтического склада, удивительно реальна и достоверна, а житейскую положительность Уотсона он искусно сочетал с высокими рыцарственными доблестями, что также производит романтическое впечатление...

Итак, сборники рассказов о подвигах и приключениях Холмса и Уотсона продолжали выходить и в XX веке, несмотря на то что Артура Конана Дойла волновали и другие заботы. Приняв участие в Англо-бурской войне, он пытался спасти английских солдат от «врагов не менее опасных, чем буры», —

невыносимой жары и тифозной лихорадки. Для патриота Дойла война была, между прочим, свидетельством единения не только самих Британских островов, но всех «английских территорий» — Австралии, Новой Зеландии и Канады — в справедливой, по его мнению, войне против осевших в Южной Африке врагов империи. Но, как человек справедливый, Конан Дойл не мог обойти молчанием и тот факт, что голландские поселенцы, в свое время «совершившие такое далекое путешествие, так тяжело трудившиеся и так храбро сражавшиеся» с аборигенами, заслуживают понимания и справедливого отношения к их заслугам.

Огромной популярностью пользовался и памфлет Дойла «Война в Южной Африке, ее причины и развитие» (1902). В Англии и Америке он вышел общим тиражом 400 000 и был переведен на двадцать языков. Именно памфлету, а не шерлокиане, вопреки распространенному мнению, он обязан «рыцарским» званием, то есть возведением во дворянство.

Хотя в Англо-бурской войне Дойл участвовал лично, его больше потрясла Первая мировая, или, как в Западной Европе ее называли, Великая война 1914 года, результатом чего явилась его шеститомная история «Английская военная кампания во Франции и Фландрии» (1916—1920). В первом томе, охватывающем события 1914 года, Дойл старается объяснить причины войны и критикует своих соотечественников за непредусмотрительность: давно надо было строить подводные лодки и прорыть тоннель под Ла-Маншем, чтобы Англия, государство островное, не теряла связь с континентом в самых непредвиденных обстоятельствах. (Как известно, тоннель был построен лишь много лет спустя — после Второй мировой войны.) Дойл порицает и немцев за то, что они усвоили «самую злокозненную» философию, философию Ницше, хотя, казалось бы, ницшеанский миф о «сверхчеловеке» должен был импонировать ему, всегда питавшему восхищение перед «сильной личностью», но сэр Артур чутко уловил антигуманистическую тенденцию ницшеанства и его аморализм. Огромные людские потери по обеим сторонам фронта ужасали Дойла, тем более что на войне погибли брат его второй жены и племянник, а от «испанки» в 1918 году умерли брат Иннес и сын Кингсли.

Все же он не перестает надеяться, что и эта война — не просто роковая случайность, но есть в ней какой-то «универсальный» замысел, в соответствии с которым осуществляется ход всемирной истории. Он считает, что война закалила серд-

ца и духовные силы человечества — «в этом единственное объяснение и оправдание всего, что нам пришлось пережить». Однако так глубоко его разочарование в политике и экономике как материальных силах, направляющих развитие цивилизации, что уже в 1916 году он все более начинает интересоваться философией или, как он называет это явление, «религией спиритуализма». Толчком послужила «потусторонняя» весть, которую он «получил» через медиума от погибшего шурина Малкольма Леки. Эта весть содержала информацию, которая, по словам Дойла, могла быть известна только Малкольму, и Дойл уверовал, что спиритуализм, рассматривающий в качестве первоосновы всего сущего дух, а не материю, — учение истинное, не подлежащее сомнению. Человечество, утверждает Дойл, должно проснуться к осознанию того, что «за воротами смерти» лежит новая жизнь, где все прекрасно и мирно, где нет богатых и бедных и всем сопутствуют довольство, «красота и музыка».

Увлечение спиритуализмом нельзя, очевидно, объяснить только разочарованием Дойла в современной «материалистической» цивилизации, которая чревата войнами и гибелью людей. Дело в его бесконечно романтической, воспитанной с детства вере в силу человеческого духа, помогающую достичь победы, — ведь почти все его герои, и Том Димсдейл, и сэр Найджел Лоринг («Белый отряд»), и Этьен Жерар, и, конечно, прежде всего Холмс — носители конечной победы благородства, доблести и гуманизма над материей «зла». Недаром рассказ «Его прощальный поклон» (1917), рисующий события до Первой мировой войны, кончается многозначительными словами Холмса: «Эх, старина Уотсон! В этом переменчивом мире вы один не меняетесь. Да, скоро поднимется такой восточный ветер, который еще никогда не дул на Англию. Холодный, колючий ветер, Уотсон, и, может быть, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. И все же он будет ниспослан Богом, и, когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее»¹.

Интересно отметить, что и сам Артур Конан Дойл отдает здесь «последний поклон» своему деликатному, скромному, никогда никому не навязывавшему свою волю отцу, Чарльзу Алтамонту Дойлу. Холмс действует в рассказе против немецких шпионов под вымышленной фамилией *Алтамонт*.

¹ Перевод Н. Дехтеревой.

Сэр Артур Конан Дойл был человеком гуманным, добрым и справедливым, с осуждением относившимся, например, к расовой нетерпимости. Так, он выступил в защиту облыжно осужденного адвоката Джорджа Эдалджи, английского подданного, но по национальности индуса, обвиненного в том, что в деревне Грейт Уайрли, где жил Джордж, кто-то по ночам зверски увечил лошадей. Полиция, по анонимным доносам, арестовала Джорджа Эдалджи. Суд не принял во внимание тот факт, что, когда Эдалджи содержался уже под стражей, в деревне было изувечено еще одно животное.

Артур Конан Дойл узнал о деле Эдалджи из газет и выступил в его защиту. Честный, порядочный человек обязан защищать невинного, особенно если он беззащитен и не может сам постоять за себя, а Джордж был тихий, почти до беспомощности близорукий молодой человек. Дойл авторитетно доказывает (вот где, в частности, потребовалось его медицинское образование и познания в глазных болезнях), что молодой человек, почти ничего не видящий днем, не мог в ночной темноте даже разглядеть на пастбище животное, не то чтобы искалечить или убить его. Борьба Дойла увенчалась успехом: с Джорджа было снято обвинение. Добился справедливости Дойл и в деле Оскара Слейтера, обвиненного в убийстве и краже. Правда, оправдательный приговор был вынесен только спустя двадцать лет. Таков был Дойл. Недаром его биограф Джон Диксон Карр писал: «Войдя в широкий мир, он, как скала, встал против низости и несправедливости, и миллионы людей, которые не были с ним знакомы лично, все равно знали, как безупречен его кодекс чести, они чувствовали это по его произведениям».

Тем большее возмущение вызывает недавняя попытка нескольких британских исследователей во главе с писателем Роджером Гарриком-Стилом «доказать», что создатель «Собаки Баскервией» был чуть ли не плагиатором и что произведение было создано... Флетчером Робинсоном. Более того: они утверждают, что, в духе своих рассказов о Шерлоке Холмсе, сэр Артур якобы тайно отравил бывшего друга, чтобы скрыть «плагиат». Каким же образом произошло «отравление»? В 1907 году (спустя пять лет после выхода в свет повести!) Конан Дойл лечил друга от тифозной лихорадки, в частности опиумной настойкой — очень распространенным в медицинской практике XIX — начала XX века обезболивающим. С ведома жены Робинсона, которая будто бы стала любовницей Конана Дойла, он якобы дал Флетчеру чрезмерную дозу лауданума.

Современные опровергатели славы и чести Дойла утверждают, что Флетчер Робинсон принимал более существенное участие в написании повести, чем это признавал Дойл, хотя он публично выразил благодарность Робинсону за помощь в работе. Однако если бы Робинсон действительно «написал» «Собаку Баскервилей», то это означало бы, что он незаконно присвоил бессмертных героев шерлокианы, и нетрудно представить себе негодование читающей публики, если бы повествование о приключениях Холмса и Уотсона вышло и под фамилией Робинсона, упомянутого даже в качестве соавтора.

И еще одно: к опиумной настойке, или лаудануму, на протяжении XIX века прибегали не только как к лекарству — им, например, знаменитый Уилки Коллинз лечил свой «подагрический ревматизм», — но он же принимал лауданум в качестве средства, якобы стимулирующего творческое воображение. Не чурались опиума Байрон, Шелли и С. Колридж, а известный журналист Томас де Квинси (1785 — 1859) прославился тем, что в 1822 году опубликовал свои «Признания английского курильщика опиума», где очень точно описано галлюцинирующее сознание. Не исключено, что и сам Флетчер Робинсон употреблял лауданум с этой же целью. А предположение, что жена Робинсона была любовницей Конана Дойла, кажется особенно невероятным, учитывая, что Дойл десять лет хранил верность уже больной туберкулезом первой жене, хотя был влюблен в другую женщину, Джин Леки, на которой и женился в 1907 году, спустя год после смерти Луизы Дойл.

Скандалную историю с «плагиатом» и «отравлением», странное желание запачкать репутацию одного из самых *безукоризненно* честных и рыцарственных английских писателей можно объяснить лишь стремлением любителей дурной сенсационности к геростратовой «псевдолитературной» славе.

Когда в 1930 году писатель умер, на его могильном камне начертали:

«Артур Конан Дойл.
Рыцарь.
Патриот, Врач и Литератор».

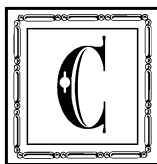
Таким он навечно и останется в памяти благодарных читателей.

М. Тугушева

Приключения бригадира Жерара

I

КАК БРИГАДИР ЛИШИЛСЯ УХА

Старый бригадир Жерар, сидя в кафе, рассказывал:

— Да, друзья мои, многое множество городов перевидал я на своем веку. Вы не поверите, если я скажу, сколько раз вступал я в города победителем во главе восьмисот лихих рубак, которые ехали за мной под стук подков и бряцание оружия. Кавалерия шла впереди Великой армии, гусары Конфланского полка — впереди кавалерии, а я — впереди гусар. Но из городов, где нам довелось побывать, Венеция всех нелепей — и кто ее только построил! Ума не приложу, о чем думали эти строители, ведь для кавалерии там нет никакой возможности маневрировать. Сам Мюрат или Лассаль — и те не сумели бы провести эскадрон на главную площадь. Поэтому тяжелую кавалерийскую бригаду Келлермана и моих гусар мы оставили в Падуе, на материке. Город заняла пехота под командованием Сюше, а он взял меня в ту зиму к себе в адъютанты, потому что ему понравилось, как я разделался в Милане с одним итальянцем, который ловко умел рубиться на саблях. Этот малый знал свое дело, и, к счастью для Франции, именно я вышел против него и поддержал честь нашего оружия. Да и проучить его следовало: ведь если кому не нравится, как поет примадонна, тот может и помолчать, а когда публично срамят красивую женщину, этого стерпеть нельзя. Поэтому общее сочувствие было на моей стороне, а когда дело было сделано и вдове итальянца назначили пенсию, Сюше взял меня в адъютанты, и я отправился с ним в Венецию, где со мной и произошел тот удивительный случай, о котором я вам сейчас расскажу.

Вы не бывали в Венеции? Ну, конечно, нет, французы ведь нелегки на подъем. А мы вот в наше время довольно путешествовали. Всюду побывали, от Москвы до самого Каира, только хозяевам не по душе было такое множество гостей, да и пропуска свои мы везли на лафетах. Плохо придется Европе, когда французы снова вздумают путешествовать, — они неохотно покидают свои дома, но если уж сдвинутся с места, кто знает, где они останутся, особенно если их поведет такой человек, как наш император, даром что он невысок ростом. Но те славные дни прошли, те славные люди мертвы, и я, последний из них, сижу в кафе, пью сюренское вино и рассказываю о былом.

Но о чем это я... Ах да, о Венеции. Люди там живут, как водяные крысы на илистых отмелях, но дома хороши, ничего не скажешь, и я нигде не видывал таких великолепных церквей; особенно замечателен собор Св. Марка. Но более всего они гордятся своими статуями и картинами, знаменитыми по всей Европе. Многие в армии считают, что их дело — воевать и ни о чем другом, кроме сражений да добычи, и думать не стоит. К примеру, был у нас один такой старик Буве, его убили пруссаки в то самое время, когда император пожаловал мне медаль; попробовали бы вы заговорить с ним не про бивак да провиант, а про книги или про искусство, он стал бы только глаза тарашить. Но настоящий воин, вот как я, к примеру, должен разбираться в тонких материях, которые дают пищу для ума и для души. Правда, я поступил в армию совсем еще мальчишкой и единственным моим учителем был квартирмейстер, но тот, у кого есть глаза во лбу, поневоле многому научится, пройдя чуть ли не полсвета.

Так что я мог оценить картины, какие видел в Венеции, и знал имена великих людей — Майкла Титиена, и Ангелюса¹, и других, которые их нарисовали. И всякий вам скажет, что сам Наполеон тоже был от них в восторге, потому что он, когда взял город, первым делом велел отправить лучшие из них в Париж. Мы забрали все, что только могли, и на мою долю достались две картины. Одну, которая называлась «Испуганные нимфы», я оставил себе, а другую, «Святую Барбару», послал в подарок матушке.

¹ Майкл Титиен — бригадир называет так великого итальянского живописца XVI в. Тициана Вечеллио. Ангелюс — очевидно, имеется в виду Анжелико, фра Джованни да Фьезоле (1387—1455).

Но что греха таить, некоторые из наших молодцов плохо обращались со статуями и картинами. Венецианцы их очень любили, а в четверке бронзовых коней, что стояли над воротами самой большой ихней церкви, они просто души не чаяли, как в родных детях. Я всегда знал толк в лошадах и хорошенько осмотрел эту четверку, но ничего особенного не нашел. Для легкой кавалерии ноги у них слишком толстые, а для орудейной запряжки они слабоваты. Но поскольку, кроме этой четверки, во всем городе не было больше ни единой лошади, живой или дохлой, тамошние жители просто-напросто ничего лучшего не видели. Когда этих коней снимали и отправляли во Францию, все горько плакали, а ночью из каналов выловили десять французских солдат. В наказание у них отобрали еще многое множество картин, и наши солдаты принялись ломать статуи и палить из ружей по разноцветным оконным стеклам. Это привело народ в ярость, венецианцы нас возненавидели. Многие офицеры и солдаты пропали в ту зиму без вести, и даже трупы их найти не удалось.

У меня в то время дел было по горло, скучать не приходилось. В каждой стране, куда меня забрасывала судьба, я старался выучить тамошний язык. Для этого я всегда искал милую даму, которая согласилась бы выучить меня, чтоб потом нам вместе попрактиковаться. Нет более приятного способа обучиться иностранному языку, и мне не исполнилось еще тридцати, когда я уже говорил чуть ли не на всех европейских языках; но, скажем прямо, те слова, какие можно выучить таким способом, не очень-то годятся в обычной жизни. Вот мне, к примеру, приходилось все больше иметь дело с солдатами да крестьянами, а какой толк говорить им, что я люблю их одних и вернусь к ним, когда кончится война?

Никогда не было у меня такой милой учительницы, как в Венеции. Звали ее Лючия, а по фамилии... но благородному человеку не пристало помнить фамилии. Могу только сказать, не будучи нескромным, что она дочь венецианского сенатора, а дед ее был дожем. Она была редкостная красавица — а уж ежели я, Этьен Жерар, говорю «редкостная», это, друзья мои, что-нибудь да значит. Я кое-что смыслю в этих делах, и память у меня хорошая, да и сравнивать есть с чем. Из всех женщин, какие меня любили, не наберется и двух десятков, про которых я мог бы так сказать. Но Лючия, говорю вам, была редкостная красавица. Среди брюнеток я не припомню ей равной — разве только вот Долорес из Толедо. Да еще была у

меня одна брюнеточка в Сантареме, когда я служил под началом у Массена в Португалии... как, бишь, ее звали?... запомнил. Она была само совершенство, но все же до Лючии ей далеко — и фигуру не сравнить, и грация не та. Была еще, правда, Агнесса. Я не отдавал ни одной из них предпочтения, но по справедливости надо признать, что Лючия была лучшей из лучших.

Из-за этих самых картин я с ней и познакомился, — дворец ее отца стоял по ту сторону Большого канала, у моста Риальто, и все стены в нем сплошь были разрисованы, поэтому Сюше выслал отряд саперов с приказом вырезать некоторые куски и отправить в Париж. Я пошел с ними, увидел Лючию, всю в слезах, и сразу сообразил, что, если штукатурку со стен снять, она вся потрескается. Я доложил об этом, и саперов отозвали. С тех пор я стал другом их дома и раздавил с ее папашей не одну бутылочку кьянти, а дочка дала мне не один сладостный урок итальянского языка. В ту зиму в Венеции кое-кто из французских офицеров женился, и та же судьба могла постичь и меня, потому что я любил Лючию всем сердцем; но Этьен Жерар никогда не забывает о чести своего оружия, о своем коне, своем полку, своей матери, об императоре и о карьере. В сердце доброго гусара всегда найдется место для любви, но жена — дело другое. Так рассуждал я в те дни, друзья мои, и не думал, что наступит время, когда я останусь один как перст и буду тосковать о той, которой давно уж нет, и отводить взгляд при виде старых боевых товарищей, которые сидят себе в кресле в кругу взрослых детей. Да, любовь казалась мне тогда шуткой, баловством, и теперь только я понял, что это главное в жизни, самое возвышенное и святое на свете... Спасибо вам, друзья мои, спасибо! Винцо превосходное, и лишняя бутылочка мне не повредит.

А теперь слушайте, я расскажу вам, как любовь к Лючии ввергла меня в самое ужасное из всех невероятных приключений, какие мне довелось пережить, — тогда-то я и лишился верхней половины правого уха. Вы часто спрашивали меня, как это случилось. Сегодня я наконец расскажу вам об этом.

Ставка Сюше находилась в ту пору в старинном дворце дожа Дандоло, на берегу лагуны, неподалеку от площади Святого Марка. Дело уже шло к весне, и вот как-то вечером прихожу я из театра Гольдини¹, а меня уже дожидается записка от

¹ Имеется в виду Гольдони.

Содержание

М. Тугужева. Рыцарь Артур Конан Дойл 5

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРИГАДИРА ЖЕРАРА.

Перевод В. Хинкиса

I. Как бригадир лишился уха	23
II. Как бригадир взял Сарагоссу	43
III. Как бригадир убил лису	62
IV. Как бригадир спас армию	76
V. Как бригадир прославился в Лондоне	97
VI. Как бригадир побывал в Минске	113
VII. Как бригадир действовал при Ватерлоо	132
VIII. Последнее приключение бригадира	167

РОДНИ СТОУН. Роман. *Перевод Р. Облонской* 181

ОТКРЫТИЕ РАФЛЗА ХОУ. Повесть.

Перевод Н. Дехтеревой 403

РАССКАЗЫ

Тайна замка Горсорп-Грэйндж. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	501
Необычайный эксперимент в Кайнплатце. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	518
Литературная мозаика. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	534
Наши ставки на дерби. <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	553
Номер 249. <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	575
Исчезнувший экстренный поезд. <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	608
Школьный учитель. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	625